

Феликс Кохрихт

Аполлон и летучая мышь в небе столицы Австрии,

а также Заяц Альбрехтович Дюрер на лужайке императорского дворца произвели на нас в Вене большое впечатление.

В конце ноября минувшего года мы, собрав материальные и моральные ресурсы, отметили в Вене наши юбилеи. Были там пять дней – и при этом загодя составили программу, которую выполнили, и даже с некоторым превышением – как средств, так и иных возможностей.

Заранее приобрели билеты на два оперных спектакля, причем не дорогие, но и не стоячие: в последние годы это нам удается в Вене и Мюнхене как входящим в некий пул друзей театров плюс мои журналистские работы.

Так сложилось (полагаю, на редкость удачно), что мы услышали и увидели в Венской опере, по сути, премьеру спектакля «Orest» на музыку современного немецкого композитора Манфреда Трояна, а в «Фолькс-опере» – шедевр мировой классики конца XIX века – оперетту «Летучая мышь» Иоганна Штрауса. Причем вечер за вечером. Таким образом, и успели услышать, и сумели в какой-то мере ощутить разнообразие сегодняшней музыкальной ситуации в Вене.

Разумеется, тема располагает к серьезному диалогу о путях, по которым развивается нынче опера, ибо и «Мышь» входит в репертуар Венского «большого» театра. Ее играют 31 декабря, и после спектакля публика с бокалами просеко в руках проходит метров 300 по Рингу и усаживается за столиками культового кафе «Шварценберг»...

Надеюсь, что такой разговор состоится в нашем оперном, где недавно с успехом прошел фестиваль «Бархатный сезон». Приглашаю к разговору Надежду Бабич, Алексея Ботвинова, Игоря Шав-

Несколько лет назад, став туристическим «амбассадором» – послом Одессы, я опубликовал этот снимок, сделанный в фойе Венской оперы. С тех пор наши чувства только укрепились: «Мы любим Одессу!»

рука, Юрия Дикого и, разумеется, киевлянку Анну Ставиченко, с которой мы не раз встречались на Мюнхенском оперном фестивале и на венских премьерах.

Но сейчас в формате традиционных заметок о путешествиях лишь отзовусь на эмоциональном уровне о том, что удивило и порадовало в те пять дней.

Орест – герой трагедии античного драматурга Еврипида

Он мог бы рассчитывать на именной комплекс, сформулированный Зигмундом Фрейдом (немецким евреем, работавшим в Вене, мать которого была одесситкой). Он ничуть не меньший символ трагедии, чем Эдип. Даже более того: Орест не согрешил с родной матерью, а убил ее...

Опера, поставленная в Вене, – одноактная, и, как говорится, слава богу: столь велики пафос и накал страстей в музыке Трояна, в режиссуре и сценографии Марко Марелли, что... Что я, уже свыкшийся с новациями атональной и додекафонной школ, оторопел. Важно подчеркнуть – но не отверг то, что видел и слышал в этот мирный венский вечер, который оставался за массивными стенами театра. На сцене и в зале набирал обороты и наконец воцарился Древний Ужас, который тысячи лет назад пугал простодушных зрителей в античных театрах, и вот сегодня, в XXI веке, вдруг ворвался к нам. Кстати, знакомым со спецэффектами голливудских ужастиков.

Пожалуй, нынешние мистики и шизики пасуют пред Еврипидом из курса древней литературы филфака. Не стану, да и не сумею пересказать (тем более – не спеть, а прокричать) страсти и напасти, которые неотвратимо наступают на Ореста. Упомяну лишь призрак убиенной им матери-царицы Клитемнестры. Съе-

Если вам доведется идти в театр по Рингу (транспортному кольцу, окаймляющему центр Вены), обратите внимание на невысокий забор, за которым скрывается самый маленький виноградник австрийской столицы. У же много лет здешняя лоза успешно плодоносит, и собранного урожая хватает на несколько ящиков отменного белого вина

жившись от ужаса, я решил спрятаться за шуткой и шепнул Тане: «Эта Клитемнестра таскается без места...» – но успеха не имел даже у себя.

Вывод. Кратко. На библейские и исторические классические сюжеты, содержащие трагические события, за прошедшие столетия написаны оперы и оратории знаменитыми и великими композиторами, к примеру, Глюком, Гайдном, Бахом, Рихардом Штраусом, Вагнером, Бриттеном. Но я пришел в этот вечер к выводу, который наверняка будет оспорен: передать древний – безысходный ужас способна лишь современная музыка с ее отстраненностью, безапелляционностью, знанием наших болевых точек на физиологическом и психологическом уровне.

*...Великая античная трагедия...
О герое, чем он знаменит –
в Интернет, энциклопедию.
Древний Ужас, Фатум, Рок:
передать их могут Гойя,
может, иногда и рок, разумеется, тяжелый,
но и немцу удалось – как адепту новой школы:
он исправно вас пугает,
но ведь вот что нас смущает:
про Троянскую войну, убиенну Клитемнестру,
что на сцене повсеместна,
композитор написал по фамилии Троян...
...Может быть, поля сместились,
иль во времени – изъян?*

И наконец – о вышеупомянутом во вступлении боге Аполлоне. Композитор немец ввел в эту историю покровителя искусств, видимо, стремясь хоть как-то уравновесить свой «сумрачный германский гений» хотя бы отблеском «острого галльского смысла», присущего, по определению, режиссеру итальянцу, но в финале оперы Олимпиец лишь трогательно взмахивает бутафорскими крылышками и возносится над кровавой суетой...

На следующий день – «Die Fledermaus»

Шедевр Иоганна Штрауса (сына) на все времена. Как я уже упоминал, по сути, это опера. Ее играют и поют во многих театрах мира, но лучше всего, если вам посчастливится именно в Вене услышать и увидеть действие, которое под дивную музыку сумбурно и без всякой логики происходит с легкомысленными героями, жившими когда-то в столице Австрийской империи, именно здесь. И нам это удалось – в театре «Volks Oper», считающемся в Вене вторым оперным. Но он бывает и первым. И мы в этом убедились.

Спектакль длится более трех часов с тремя антрактами в театральном здании, построенном в 1898-м по повелению императора Франца Иосифа в стиле венского Соцесьона с акцентом на патриотический – народный стиль.

Надеюсь, среди моих читателей есть те, кто в былые годы смотрел отечественный фильм «Летучая мышь», где исполнители ролей играли, а пели за них другие, за кадром. Тогда авторы сценария преобразили сюжет венского либретто в историю, пусть легкомысленную, но содержащую хоть какую-то долю логики и смысла. Ничего этого нет в классической версии, которая представлена на родной сцене. Да она и не нужна.

Роскошная, упоительная музыка, великолепный оркестр, которым маэстро дирижирует, глядя не в партитуру, а на сцену. Исполнители главных, больших и уж вовсе проходных ролей, сочетающие блистательную, истинно штраусовскую вокальную школу с «тем» венским темпераментом, который пленял монархов и психоаналитиков... Статные фрачники и обольстительные носительницы корсетов... И шампанское в буфетах на всех этажах... Заметьте, земляки: цены здесь (как и в Венской опере) ниже, чем в городских кафе, что, видимо, завещали то ли Моцарт, то ли Штраус, то ли Франц Иосиф. И еще – кабачок напротив театра, куда приходят за час-два до начала спектакля, и где нам подавали знаменитое местное белое вино «Veltiner» два официанта – Фальстаф и Мефистофель с соответствующими ампула оперными (чуть подуставшими) голо-

Вот на таких огромных трейлерах перевозят в венские музеи работы великих мастеров.
На сей раз – Моне и Пикассо

сами, и милая молодая особа – Гретхен, но лукавая, – дочь тенора, того, что постарше.

*...На венскую ночную тишь в полупрозрачной полумаске
Летучая спланировала мышь...
Если нынче в Вене вы, прислушайтесь к совету!
Отправляйтесь поскорей в «Volks Oper» – в оперетту!
Там Штраусы во всей красе – почти что все, почти что все.
Там штрудель с марципаном в буфете театральном.
Там Мышь летучая приветливо звучит: она поет, а не пищит.
И, как Таня говорит: «У нее приличный вид!»
Там князь Орловский у дверей вас встретит – дорогих гостей:
«Друзья мои, я очень рад, что вы пришли на маскарад!»
А дальше – три часа подряд ты подпеваешь невпопад,
И Таня тычет тебя в бок привычно...
И это – полный *Seher gut!* А по-нашему: «Отлично!»
Вы возвращаетесь домой, мотив мурлыча заводной:
«За что, за что, о боже мой!»
С бокалом белого вина, и вам, конечно, не до сна!*

Перед дворцом-музеем «Альбертина» – конная статуя Альберта Саксен-Ташинского

За моей спиной – фрагмент огромного круглого здания «Концертхауса», созданного по проекту «наших» архитекторов Фельнера и Гельмера. Здесь размещаются несколько концертных и театральных залов

Дюрер: лететь с одним крылом?

В венском музее «Альбертина» в эти дни были собраны из многих коллекций графические работы Альбрехта Дюрера – от ученических до гениальных. Вернее, до гениальной: портрета молодого полевого зайца, обитателя нюрнбергских лесов и лугов, запечатленного в 1502 году акварелью на небольшом листе бумаги и обессмертившего этого простодушного длинноухого паренька наряду с курфюрстами, святыми, девами в остроконечных

Гостиница напротив носит то же название. В ней останавливаются знаменитые музыканты и актеры, и мы, когда это удастся

колпаках, да и самим мастером, предстающим на автопортретах разных лет и загадочным красавцем, и гением Северного Возрождения.

Заяц этот хранится в закромах «Альбертины»: его редко выпускают на свет божий (показывать акварель чаще вредно) – вот и на этой выставке мы наконец его увидели живьем.

От проекта в целом осталось неоднозначное послевкусие. Уже в который раз за последние годы кураторы предлагают экспозиции, которые, как нам представляется, отражают специфический узкопрофессиональный взгляд на творчество великих художников. Их гений как бы «размывается» соседством современников, не сравнимых с талантом мастеров (так недавно было в мюнхенской Старой Пинакотеке, где несколько полотен Караваджо фактически затерялись среди работ на схожие темы кисти «средних» его современников – голландцев). В Альбертине же шедевры Дюрера – и «Заяц», и «Крыло птицы», терялись в толчее, в которой публика разглядывала его подчас проходные эскизы, а то и учебнические упражнения. Это тема обстоятельного и спорного разговора, но могу сегодня сказать, что нашел единомышленников среди и авторитетных специалистов, и просвещенной публики.

Любопытно, что логотипом выставки стало изображение крыла мертвой птицы – прекрасный образец мастерства, достойный «препарат» для изучения и копирования.

Но мы унесли с собой тихий восторг от встречи с очаровательным существом, частью той природы, что пока еще наследует великие прототипы, созданные Тем, кто все это придумал...

*Как я рад, что он живой и вовсе и не умер –
Великий Заяц Полевой Абрехтович Дюрер.
Он сейчас – всем напоказ – в нарядненькой витрине –
Крепко умиляет нас в венской «Альбертине».*

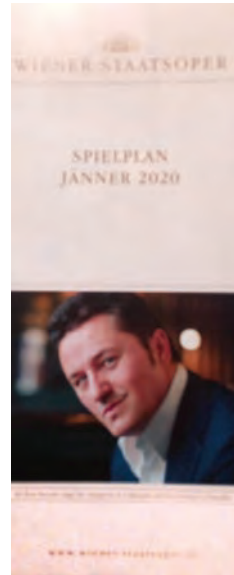
P. S. 22 декабря, в день, когда я отправил эти заметки на верстку, мы получили из Вены сообщение, что для нас оставлены два билета на традиционный новогодний концерт в Золотом зале Венской филармонии, который уже много лет начинается утром 1 января. Замечу, что такое приглашение мечтают обрести многие. Но воспользоваться им на сей раз у нас не получается. Будем наслаждаться прямой теле-трансляцией венского концерта, которая идет по всему миру.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

На спектакли в Венской опере публика приезжает и на «мерседесах», и на велосипедах

Уже в ноябре минувшего года мы получили подробный план – перечень спектаклей сезона 2020

С первого взгляда занавес к опере «Орест» обещает, что когда он поднимется, на сцене произойдут события, достойные настоящей трагедии...

А вот занавес к «Летучей мыши» уже более века не меняется и сразу погружает нас в беззаботную, искрометную атмосферу старой Вены

Как я рад, что он живой
и вовсе и не умер –
Великий Заяц Полевой
Абрехтович Дюрер.
Он сейчас – всем напоказ –
в наряднейшей витрине –
Крепко умиляет нас
в венской «Альбертине».

Вечером «Фолькс-опера» ярко освещена и нарядно убрана

